

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К63

Художественное оформление серии
Александры Харитоновой

Комарова, Марина Сергеевна.

К63 Вес твоих аргументов / Марина Комарова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-104468-8

Правду говорят: в историю нельзя войти, в историю можно вляпаться! Вот так и я, пытаюсь отделаться от навязчивых ухаживаний женатого начальника, попросила его партнера подыграть мне и сделать вид, что мы пара. Тот не растерялся и объявил меня... своей невестой! Теперь начальник хочет меня «сократить», а бывшая «жениха» — уничтожить. Да и сам «жених», кажется, заинтересован во мне куда серьезнее, чем может показаться...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Комарова М., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-104468-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1
Очень деловое
знакомство

— *А* это Ксения Георгиевна, наша новая сотрудница! Прошу любить и жаловать. Она очень хорошая.

Да, это правда. Во мне много хорошего. Все шестьдесят шесть килограммов живого женского веса в целом и по отдельности. При росте метр пятьдесят девять, подло не дотягиваюшем до метра шестидесяти, есть на что посмотреть. А некоторым ведь хотелось и потрогать.

Например, моему шефу — Загорулину Всеволоду Николаевичу. Явный любитель форм и большой женской харизмы. Особенно такой, как моя. Только вот я как-то не очень жалую мужчин, который взглядом успевают тебя раздеть, впечатлиться и одеть обратно. Потому как понимают, что финансово такую красоту просто не потянут.

Радовало, что с коллегами сразу пошло на лад.

Я мрачно посмотрела на стопку бумаг, возвышающуюся на краю стола. Аккуратную та-

кую, уголок к уголку. Даже сейчас, разъярённая и готовая разорвать собеседника на мелкие кусочки, не позволяю эмоциям взять верх над разумом. И уж тем более появиться беспорядку на столе.

Могу долго и кропотливо складывать документ к документу, перебирать, делать реестры и... бесконечно бесить тех, кто считает, что идеальный порядок — отсутствие порядка.

В коллективе меня действительно любили и жаловали. Изначально это распространялось и на Загорулина: тот отнёсся ко мне благодушно и с интересом. Но когда заметил, что сотрудникам я и впрямь по душе, начал исподтишка делать гадости. Мелкие, незначительные, но постепенно накапливающиеся. И «ну вы ж понимаете, это срочно» за полчаса до окончания рабочего дня случилось с завидной регулярностью.

Меня это начало подбешивать. Так-то я человек добрый, за двадцать восемь лет не успела никого ни засадить, ни покалечить даже в силу специфики своей профессиональной деятельности. Но... нарываться-то не надо!

В Пермь я приехала совсем недавно, не успела толком обжиться, перезнакомиться со всеми, в коллектив влиться, а тут такое! Нехорошо.

Вообще ощущение, что шеф попросту выливает злость, ревнуя к подчинённым. Я не понимаю такого поведения. Личное не должно пересекаться с рабочим. А если тебе не нравит-

ся твой... твоя юристка, да ещё и такая... такая роскошная, бери тогда и ищи другую.

Впрочем, мнение я держу при себе. Другой работы пока не предвидится, а в Перми, с её ценами, после жизни в маленьком южном городке не разгонишься. Особенно приезжей. А тут хоть зарплата позволяет платить за квартиру и относительно неплохо жить.

В кабинете душно: май вдруг забыл о совсем недавнем похолодании и решил перейти в лето. Вот резко: встал и пошёл!

Я, конечно, привычная к перепадам, у нас в Херсоне вечно погода непостоянная. Но на Урале, кажется, всё ещё жестче. Я поднялась со стула, провела ладонями по лицу и сделала глубокий вдох. Ну, насколько позволяли лёгкие и грудь, четвертого размера между прочим.

Работа есть работа. Нечего раскисать! Подумаешь, задержусь. Не в первый раз. Просто надо окно открыть и кофе сделать. И можно жить дальше. Люблю кофе. Желательно со сливками, сахаром, орешками и... Чем всего больше, тем лучше! Моя дорогая подруга Дианка только морщит нос, заявляя, что я порчу вкус напитка своими «извращениями», но я не согласна. Ведь сладкое вкуснее горького. Однозначно!

Подойдя к подоконнику, я выглянула на улицу. Внизу цветёт черемуха. И запах просто невероятный. Деревья стоят белые и нарядные. Так посмотришь, и на душе становится радостнее. Кругом яркая сочная зелень, влажный ас-

фальт от недавно прошедшего дождя и белые лепестки. Дома-то уже всё отцвело, а здесь севернее, прохладнее. Вот какая красота кругом. А если перейти на противоположную сторону, то вообще можно попасть в Балатовский парк, где живут чудовищно наглые белки. Людей не боятся, завтракать жаждут и всегда открыты к предложениям.

Проехала машина, подняв кучу брызг. Девушка в фисташковом пальто, безостановочно ворковавшая по телефону, взвизгнула и отпрыгнула в сторону. Правильно, нечего наряжаться, как профурсетка, и идти по проезжей части — замурзают! Девушка погрозила кулаком лихачу-водителю. Степенная пожилая пара, выгуливавшая мопса, медленно прошла мимо девушки, увлечённо о чем-то переговариваясь.

Распахнула окно. Свежий, пахнущий озоном воздух ворвался в кабинет. И тут же в дверь деликатно постучали. Я чуть нахмурилась. Это ещё кто? Загорулин напишет или позвонит, а сотрудники уже расходятся по домам. Кого ещё принесло? Нет покоя бедной и несчастной женщине, оставленной без пироженки к кофе.

Обернувшись, я крикнула:

— Да-да?

Возможно, ошиблись. Бывает же — ломятся, чтобы спросить, как пройти в библиотеку или ещё куда.

Дверь медленно открылась. На пороге появился Лебедев.

«Беда не приходит одна», — философски подумала я, оглядывая незваного гостя.

Как и в прошлый раз, когда я с ней столкнулась, беда выглядит хорошо. Дорого. В костюме идеально по фигуре. Белоснежной рубашке. Галстук в тон костюму. Туфлях, которые сто́ят, как... Черт его знает. До безумия просто дорого стоят, этот не наденет абы что. Мне такие деньги и не снились. Чтобы купить подошву от его обуви, мне придется продаться в рабство на несколько месяцев.

— Добрый вечер, Ксения Георгиевна.

Голос низкий такой, чарующий. Кажется, ещё мгновение, и сорвётся на пробирающую до костей хрипотцу, от которой по коже побегут мурашки.

— Добрый вечер, Глеб Александрович.

Получилось ответить спокойно. И даже не выдать истинных эмоций. Ведь сложно забыть, как час разъясняла ситуацию по срокам, вводя якобы нового человека в курс дела. А шеф, скотина, потом невинно похлопал глазами и сказал:

— Ой, я ж забыл. А это господин Лебедев — хозяин фирмы «Фемида». Ой, вы как раз по документам и говорите? Ну, это правильно-правильно. Глеб Александрович — юрист с опытом, вы быстро найдёте общий язык.

Насколько с опытом, я поняла, когда после встречи пробила информацию о владельце «Фемиды», и... стало нехорошо. Оказывается,

ты, девочка-припевочка, не просто объясняла прописные истины человеку, который их прекрасно знает, но ещё и могла где-то оплошать.

Не то чтобы я оплошала. Нет. Всё нормально. Говорила всё как было, нигде не пытаюсь навешать лапши на уши. Видимо, бог отвел. Но вот если Лебедев окажется настойчив и ткнет в детали, тут придётся вывернуться наизнанку, чтобы решить вопрос миром. Конечно, ситуация ещё не та, что надо платить штраф, но при грамотном подходе Лебедев может выбить нехилые проценты.

Нехорошо.

Я, конечно, кое-что могу, но тягаться с человеком, у которого собственная фирма с полком юрисконсультов, мне не по зубам.

И это наводит тоску. Ситуация и так шатается, словно подвыпившая мадам, а если Лебедев хоть немного постарается, то и вовсе завалится на его сторону.

Я вернулась на своё место.

— Прошу вас, Глеб Александрович, присаживайтесь.

И улыбнулась. Мол, я так рада видеть вас, так рада. Вот смотрю и не насмотрюсь!

Лебедев расположился напротив. Скользнул взглядом по стопке бумаг, по ежедневнику с кожаной обложкой, по перпендикулярно лежащей к нему ручке. Рабочий стол без излишеств, аскетичный, с минимумом необходимых вещей. Несмотря на мою эмоциональность и склон-

ность к хаосу в женской сумочке, я терпеть не могу, когда документы лежат в художественном беспорядке. Обязательно что-то пропадёт, потеряется или помнется. Поэтому на столе всегда царит образцовый порядок.

«У Ксюшеньки Вавель всегда всё на месте», — любил повторять мой любимый преподаватель по праву.

«Из тебя бы вышел отличный маньяк», — всегда задумчиво говорил Загорулин и покидал кабинет, оставляя меня в недоумении. Ибо у него на столе вечно бедлам.

Вавель, да. Такая уж прелестная фамилия, за которую в школе мне прилетело не менее прелестное прозвище Вава. Время идет — прозвище остается. Увы.

Лебедева же порядок явно не огорчил. Судя по тому, как его рука легла на краешек стола, а пальцы легонько постучали по полированной крышке светлого дерева, он очень даже одобрил. Руки, кстати, у него красивые. Я стараюсь на них не смотреть. Такие руки положено иметь музыканту-виртуозу. Можно любоваться часами. Первый раз я это отметила, когда забирала контракт у Лебедева, чтобы понять суть и растолковать без того понятные ему вопросы.

Не смотри, Ксюша. Такой мужчинка не для тебя. У него на каждом пальце по поводку, к которому привязаны ослепительные красотки.

— Видите ли, Ксения. В прошлый раз Всеволод Николаевич не сообщил мне один ню-

анс, — спокойно сказал Лебедев и положил на стол уже обсуждавшийся ранее контракт.

Выражение лица — сама доброжелательность. Только светло-серые глаза смотрят внимательно-внимательно. А при повороте головы свет падает так, что будто вспыхивают серебряные лукавые огоньки.

Гадёны-ы-ыш. Чтоб ты был здоров. И твой Всеволод Николаевич тоже. Кто на ночь глядя приходит с подобными вещами? Мозг уже наминает кастрюльку с борщом, который вот-вот приподнимет крышечку и прольется.

Тяжело признаться самой себе, что Лебедев меня интригует и заставляет напрягаться. Он выглядит на тридцать, но ему тридцать пять — дату рождения прекрасно помню. Смуглый, кожа скорее с золотистым оттенком, чем с коричневым. Чеканный профиль, на узких губах полуулыбка. Волосы черные, стрижка модная. Обаятелен до чертиков, знает, как себя вести в обществе женщин и... мужчин.

— Какой же пункт? — невозмутимо поинтересовалась я, смутно догадываясь, что эта за-раза, «человек нюансов», наделала.

— Пункт двенадцать-один-пять, — любезно сообщил Лебедев.

Сволочь. Просто сволочь. Загорулин, я тебя сожру на ужин. И косточек не оставлю. Говорила же: делайте что угодно, только не обращайтесь внимания на это! Иначе не отвертятся. Госпо-

ди, какой идиот составлял и подписывал этот контракт?

Хотя, конечно, какой подписывал, я прекрасно знаю. Шеф и подписывал, но вот вчитаться не пожелал. А зря. Халатное отношение к таким вещам всегда приводит к большим деньгам. Которые медленно, но верно утекают из вашего кармана.

Я сделала вид, что внимательно его изучаю. На самом деле, конечно, речь не об изучении. Надо быстро сообразить, как красиво выйти из ситуации. Внешне продолжаем изображать чашечку, не палимся, всё решаемо. Но... всё равно нервничаю и неприятно.

— Да, конечно, — кивнула я и подняла взгляд на Лебедева. — Что именно нужно уточнить?

И вдруг поняла, что меня рассматривают. Не нагло и не откровенно, а как-то задумчиво. Но при этом не пытаются прекратить разглядывание. Открытое окно не спасает, в кабинете почему-то снова душно.

Сердце пропустило удар, губы вдруг пересохла. Долой эмоции. Напротив сидит акула. Пусть и фамилия у неё птичья. Стоит сделать неверный шаг — откроет пасть, мило клацнет челюстями и сожрет тебя с костями. Это, конечно, неприятно. Разве что... устроить ей несварение.

За окном засигналила машина.

Лебедев не торопился объяснять, впрочем, этого и не надо. Но и я так просто не собираюсь сходить с камня. Если шеф повёл себя как придурок, надо хотя бы попытаться спасти ситуацию. Ещё бы владелец «Фемиды» не смотрел, как хищник на лакомый кусок. А то я как-то вмиг ощущаю себя шашлычком.

Интересно, каков он дома? Может, у него нетьма любовниц, а тихая семейная жизнь. И женат на красавице бизнес-леди, а няня ходит и воспитывает детей. Хотя... возможно, и нет. Вполне могут быть хорошими родителями.

Но руки... Кольца нет. Правда, в наше время это не показатель. И пальцы такие... ему бы... да-а-а, на музыкальном инструменте играть. Или показывать фокусы, когда забываешь про реальность, глядя только на гибкие пассы, веря уже не в магию представления, а в волшебство этих прекрасных рук.

— Ксения, — вкрадчиво произнёс Лебедев, — вы же понимаете...

Понимаю. Ещё как понимаю. И где-то целый час после этой фразы я на разный манер твердила: «Да, Глеб Александрович. Конечно, Глеб Александрович. Вы, безусловно, правы, но, видите ли...»

За окном начало темнеть. Откровенно хотелось поесть и совсем не по-деловому завалиться спать. А ещё снять эти туфли на каблуках. В жизни женщины есть две радости: избавиться от каблучков и от лифчика. Говорят, если снять

это все одновременно, можно постичь неземное блаженство. Но со мной это ещё пока не случилось. То ли блаженству я физиономией не вышла, то ли не пришёл ещё мой час.

В общем, с утра на ногах: то в управление, то в суд. Человек нюансов, шеф незабвенный, умудрился наделать столько хвостов, что обзавидовался бы любой японский бог. Хвосты росли, как у мифической лисы-кицунэ, и отпадать совершенно не желали.

Голос у меня немного сел. Говорить сегодня пришлось очень много, голосовые связки не выдерживали. А Лебедев слушал с лёгкой улыбкой. Не сказать, что издевательской, но такой... вежливо-заинтересованной. И не в разрезе: «Ой, и правда, не можем с вас поиметь денег?», а «Прекрасно, а что следующее выдумаете... Ксения?»

Лебедев произносил моё имя с какой-то необычной интонацией. Уловить оттенки не получалось, но почему-то казалось, будто нечто ускользает. Нечто важное.

Хотелось уже на всё плюнуть и выразительно глянуть на часы. Вы хороши, господин Лебедев, я чертовски хороша, так зачем терять время? Идемте домой!

— Что ж, — неожиданно мягко произнёс Лебедев, — разговор действительно долгий. А уже... — он повернул голову, глянул в окно. Но в то же время я чувствовала, что за мной по-прежнему наблюдают: цепко, внимательно, захочешь — не сбежишь, — поздно. Вы будете не